

полития

А.А.Тесля

КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕСТВА, НАРОДА И ГОСУДАРСТВА И.С.АКСАКОВА

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1860-х годов¹

Ключевые слова: И.С.Аксаков, народ, общество, государство, земство, славянофильство

¹Статья подготовлена в рамках исследования «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов», выполненного при поддержке гранта Президента РФ (МК-1649.2011.6).

Русской публицистике как самостоятельной силе выпал короткий век. Вся она практически без исключения умещается в промежуток между 1856 г. и концом 1880-х годов. Александр Герцен, Михаил Катков, Юрий Самарин, Иван Аксаков, еще несколько имен чуть меньшего калибра, такие как (при всем различии дарований и интересов) Борис Чичерин и Александр Кошелев. Настоящие, долговременные — те, кого можно читать и перечитывать, не бросающие слов на ветер, но говорящие «дела ради», тяжело и осязаемо, с мыслью. Очень разные, но каждый из них не рассуждает «о политике» — он писанием своим политику делает и ради этого, собственно, и пишет. И делает не для другого — он и есть политик, министр или «куда поважнее министра». А дальше пришла «газета». Владимир Грингмут — да, красиво, умно начинал в «Русском обозрении». Там же обстоятельно и со свежими «в правительственном лагере» идеями выступал Лев Тихомиров. Но все это уже попытка повлиять на власть, а никак не власть сама по себе. Некая постоянная «ослышка» — как бы так сказать, чтобы власть имущие прислушались.

И раньше — влияние. Но «там» одна *власть* на *другую* воздействует. А с 1880-х все больше не «влияние» в прежнем смысле, а «веянья»; остались только журналисты, разного масштаба, но одной лишь этой категории — ведь невозможно даже вообразить, чтобы Грингмута или Тихомирова всерьез назвать «властителем умов». Скорее на них самих влияют власти предержавшие. И уже скучно все это. Самые умные — иным заняты или иным помнятся. Василий Розанов — так тот вовсе не о политике, о чем угодно, только не о ней, а если и о ней, то «взглядом обывателя», наблюдая, передавая, «что нутро чует». Михаил Меньшиков — его политические статьи читать практически невозможно; он сам знает, что все это не просто хрупко, а гнило и те нигилисты, с которыми он сражается, они ведь братья тех, кого он защищает; да и про себя он едва ли не то же самое ведает. На другой же стороне, той, что «с подмигом», «по цензурным обстоятельствам», — так там публицистики никогда и не было, поскольку мысль «не думалась», а «распространялась».

Об эпохе 1860—1880-х годов будут вспоминать и пытаться к ней вернуться еще десятилетия. И Сергей Шарапов, и Грингмут, и Тихомиров, в своем воображении и стремлениях каждый удерживает образ Каткова или, по меньшей мере, Аксакова — и раз за разом неудачно. Алексея Суворина в шутку будут именовать «le petit Katkoff» — и разница между Сувориным и Катковым особенно показательна: если для последнего газета была его личной трибуной, то для Суворина — «предприятием», необходимо политическим, но отнюдь не выражением его политической программы. Любивший и глубоко понимавший Суворина Василий Розанов в набросанных почти сразу по его смерти заметках о покойном писал, что вся душа его была соткана «из „муара“, особенной материи, на которую глядишь „так“, и она отливает иссиня, повернул иначе, и вдруг она кажется с пунцовым отливом, посмотрел „от света“ — блестит как белая сталь, повернул к свету — и она черная, как вороново крыло»². И далее: «Если бы он был суров, как Катков, он был бы побежден (не читают). Если бы он был односторонен и однотонен, как Аксаков, — опять был бы побежден (читаю только „свои“)³.

² Розанов 2006: 269.

³ Там же: 285.

Это верно в том смысле, что в новую эпоху стала невозможна прежняя публицистика — и попытки Шарапова повторить жесты Каткова в новых условиях производили впечатление фарса⁴, в том числе и из-за несовместимости с прочим, повседневным его газетным поведением: отдельный жест можно воспроизвести, но нельзя воспроизвести фигуру, которой этот жест принадлежит.

⁴ Там же: 325.

Большая публицистика выростала из особых условий — когда дворянин, со своим совсем «не русским» самосознанием, ощущая себя равней царю, которому повинуетя как государю, но в качестве такого же дворянина (как в известном письме Самарина Александру II по поводу «Окраин России»), заводит газету, обращаясь к таким же, как и он. Продолжение московских салонов: разговор со своими, для своих. На излете дворянской культуры. А дальше пришел интеллигент, которому с газеты «кормиться надо». Тем тоже, конечно; но вот самоощущение другое. Как имение по сравнению с лавкой: и с имения на пропитание доход получали, но при этом к источнику дохода имение не сводилось — с барскими причудами вроде парка, по французской или английской моде разбитого, или библиотеки, которой позавидовали бы университетские собрания.

Такое положение и определяло особую весомость публицистического слова — оно произносилось равным к равным, было погружено в среду, принципиально отличную от той, в которой действовала последующая политическая журналистика, поскольку адресовалось не столько читателю, политикой интересующемуся, сколько самим политикам, читалось в контексте частной переписки, зачастую будучи ответом или откликом на подобные же письма или разговоры. Отсюда и влияние таких изданий, как «Московские ведомости», «День», «Москва», а чуть позже «Гражданин» или «Русь», несопоставимое с их тиражами, — ведь их аудитория охватывала тех, кто принимал решения, и

из той же аудитории, в свою очередь, нередко выходили и авторы статей. Ситуация, вызывающая в памяти французскую литературу «классического века», где автор обращался к читателю, который сам являлся автором или, во всяком случае, потенциальным автором аналогичного текста⁵.

⁵Разумеется, не следует забывать и об особом отношении к «печатному слову», еще сохранявшему в глазах общества, да и самой власти, характер если не «божественного», то «официального». Отсюда и острая реакция на некоторые печатные выступления, которую трудно понять без учета подобного восприятия, существенно изменившегося лишь к концу XIX в., по мере расширения периодической печати и ее индивидуального обесценивания.

В настоящей статье мы коснемся лишь одного сюжета, относящегося к 1861—1862 гг., а именно содержания цикла статей И.Аксакова об обществе, народе и государстве, рассматривая его в контексте как славянофильской мысли, так и ее восприятия извне.

* * *

Славянофильство, оформившееся как направление русской общественной мысли на рубеже 1830—1840-х годов, и современникам, включая глубоко вовлеченных наблюдателей, и нередко более поздним исследователям представлялось завершившим свое развитие к 1860 г., вполне объемно и отчетливо высказавшись в журнале «Русская беседа», издававшемся в 1856—1860 гг., и закончившись со смертью основных своих идеологов: в 1856 г. умирают Петр и Иван Киреевские, в 1858 г. — Сергей Аксаков, в 1860 г. — Алексей Хомяков и Константин Аксаков. Сам журнал, единственный долговременный и масштабный коллективный славянофильский проект, завершается некрологами Хомякову и К.Аксакову, становясь их мемориалом. В глазах современников последующее славянофильство — деятельность И.Аксакова, Самарина, кн. Владимира Черкасского — было своеобразным эпилогом, сохранением памяти направления, и все. О творческом развитии (или, под иным углом зрения, об отходе от традиции) славянофильства заговорят лишь в конце 1860-х годов в связи с выступлениями новых лиц, относящих себя к славянофилам, — Николая Страхова и Николая Данилевского, а затем (с 1880-х годов) Владимира Соловьева и Константина Леонтьева⁶. Что до представителей первоначального славянофильства, то наиболее заметное в русской публицистике лицо, принадлежавшее к данному лагерю, И.Аксаков воспринимался как хранитель традиций, носитель преданий своего круга, но не более того. В статье «Катков и его враги на празднике Пушкина» этот распространенный взгляд резко, но ясно сформулировал Леонтьев⁷:

⁶Показательно в данном отношении сближение позиций столь разных авторов, как Розанов (Розанов 1990: 282—303), Павел Милоков (Милоков 2002: 413—445) и кн. Сергей Трубецкой (Трубецкой 1995).

⁷Статья впервые опубликована в «Варшавском дневнике» в 1880 г.; текст приводится в редакции 1885 г.

«Ив<ан>Серг<еевич> Аксаков, ныне живущий и столь много послуживший необходимому делу *политического* освобождения славян во дни высокого подъема нашего духа (десять лет тому назад), по *культурному* вопросу собственно не захотел, видимо, в литературной своей деятельности ни на шаг отклониться от завещанных его предшественниками общих идей; он приложил очень много своего труда к развитию подробностей прежнего учения, но едва ли прибавил что-либо свое к основам его. <...>

В прежнее <...> учение Славянофильства он не позволил себе внести ни малейшей *ереси*. Он — даровитый, верный и непреклонный

хранитель завещанного ему сокровища; но само сокровище это, но самый клад этот отыскан не им, и он пускает его в оборот теперь почти без процентов. Вот уже более четверти века он не дает забыть русским людям это симпатичное учение. Заслуга эта, конечно, очень велика; она даже весьма индивидуальна, своеобразна по отношению к другим его современникам, но по отношению ко всей группе Славянофилов 40-х годов она недостаточно индивидуальна... Когда люди будущего нашего оглянутся назад, когда это будущее станет настоящим, они увидят в истории второй половины XIX века *собор*, так сказать, этих замечательных и безукоризненных русских людей и почтят их всех вместе почтением благодарной любви, и конечно, тому, кто дольше всех и *при новых условиях* жизни оставался верен старому учению, выпадет на долю немалая слава»⁸.

⁸ Леонтьев 2006: 202—203.

NB! Аналогичные суждения об Аксакове Леонтьев высказывает и в «программном письме» к о. Иосифу Фуделю (1889), где в рамках сопоставления его деятельности с деятельностью Каткова, в частности, отмечает: «И.С.Аксаков был последовательнее и неизменнее: его статьи возвышали помыслы; но все, что он предлагал делать сейчас, было некстати. Катков менялся и казался непоследовательным; но у него было великое чутье *времени и срока*»⁹.

⁹ Фудель 1995: 167.

Подобный взгляд сформировался и утвердился во многом благодаря целенаправленным усилиям самого Аксакова, мыслившего себя как «хранителя» наследия своей семьи и своих друзей. Едва вернувшись в Россию из второго заграничного путешествия (и привезя на родину гроб с телом брата, умершего в декабре 1860 г. на ионическом острове Занте), он пишет Самарину: «Мне нужно с тобой видиться и поговорить, но не о себе, и не об эмансипации, а о тех обязанностях, которые наложила на нас связь с умершими, о наследстве, ими оставленном, о том, разойтись ли нам, или теснее соединиться... создать ли новый орган литературный, или отказаться от деятельности литературной»¹⁰.

¹⁰ Цит. по: Цимбаев 1978: 69.

Николай Цимбаев в известной мере противопоставляет данный текст письму к Кошелеву, написанному Аксаковым 7 октября 1860 г., сразу же по получении известия о смерти Хомякова, в котором он утверждает: «Теперь для нас наступает пора доживанья, не положительной деятельности, а воспоминаний, доделываний. История нашего славянофильства, как круга, как деятеля общественного, замкнулась»¹¹. Однако аналогичные суждения, подобное отношение к себе, к своему и славянофильства месту в мире встречаются у Аксакова регулярно; и в них не настроение минуты, но целостная позиция «непреклонного хранителя завещанного ему сокровища», лишь наиболее сильно выражающаяся в моменты смерти кого-либо из близких людей, едино- или сродномышленников. Так, после смерти Самарина Аксаков пишет кн. Екатерине Черкасской: «Я теперь обратился в какого-то кладбищенского сторожа или надсмотрщика. Мои столы и шкафы — это моги-

¹¹ Там же.

лы, в которых я постоянно роюсь, и когда уйдешь в эту работу, то грань между живым и отжившим совершенно теряется. Надобно бы исключительно отдаться теперь работе воспоминаний — все собрать, издать, записать, восстановить образы лица и всего прошлого»¹².

¹² ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 66. Л. 16об. Письмо от 1 августа 1876 г.

И это опять же не настроение, но установка, отчетливо проявившаяся как в содержании изданий Аксакова, так в его публицистике. Первые номера газеты «День», к выпуску которой Аксаков приступил осенью 1861 г., открываются посмертными публикациями Хомякова и К.Аксакова¹³, а передовицы издателя-редактора избилуют цитатами из тех же авторов и еще чаще содержат упоминания о них. Аксаков стремится говорить не только от своего имени, ставя себя в позицию глашатая славянофильства *per se*, — и во многом достигает своей цели, в результате чего, с одной стороны, его взгляды принимаются за выражение «классического» славянофильства Хомякова, И.Киреевского и К.Аксакова, а с другой стороны, все более устойчивыми оказываются оценки, подобные процитированной ранее леонтьевской, когда суждениям Аксакова отказывают в оригинальности и видят в них простое воспроизведение старых мнений в изменившихся условиях, нежелание считаться с ходом времени.

¹³ Аналогичным образом, начав в 1880 г. издавать газету «Русь», Аксаков будет публиковать там неизданные рукописи отца и брата, а также фрагменты из недозволенных цензурой к распространению «Окраин России» Самарина.

В 1860—1880-х годах образованная русская публика составляла свое представление о славянофильстве преимущественно по двум источникам — по публицистике Аксакова и по критическим откликам на нее же. Случай Леонтьева в данном отношении весьма показателен, поскольку по крайней мере до 1888 г. он практически не был знаком с работами «старших» славянофилов: в письме к Анатолию Александрову от 12 мая 1888 г. он признавался, что труды К.Аксакова знает «только по отзывам», и высказывал намерение приобрести собрание его сочинений, а по поводу Киреевского замечал: «этого я читал, но что-то плохо помню»¹⁴. Ольга Фетисенко, на протяжении многих лет занимающаяся исследованием творчества Леонтьева, фиксирует: «Ряд высказываний Хомякова и Погодина Леонтьев узнал <...> из статей Аксакова, поэтому позднее даже порой приписывал их ему»¹⁵.

¹⁴ Цит. по: Фетисенко 2012: 150, прим. 44.

¹⁵ Там же: 182.

Своеобразие мысли, оригинальный вклад Аксакова в славянофильство оказались заслонены в результате его собственных усилий — что придавало убедительности его «проповеди», но препятствовало осознанию того, насколько в действительности глубоки трансформации, осуществленные им в славянофильском учении. В глазах современников он выступал «оригинальным образом», не сливаясь со «славянофильским пантеоном», преимущественно в славянском вопросе, став одним из наиболее ярких выразителей так называемых «панславистских» настроений. Однако куда более масштабная задача, реализованная Аксаковым, заключалась в приспособлении славянофильства к меняющимся общественным условиям и переводу его в практическую плоскость.

Если «старшие» славянофилы уделяли основное внимание историсофии и религиозной проблематике, то Аксакову надлежало в рам-

ках данного учения найти ответы на конкретные вопросы — иными словами, преобразовать славянофильство в политическую программу. В этом отношении он продолжал дело своего брата — в 1848—1849 гг. К.Аксаков выработал концепцию «Земли» и «Государства» как двух ключевых начал русской жизни и сформулировал широко известный тезис о «безгосударственности русского народа». Исследователями неоднократно отмечалось (и было подробно проанализировано Цимбаевым)¹⁶ конкретное-историческое значение этой концепции, которую можно рассматривать как своего рода предложение компромисса власти в условиях «мрачного семилетия»: утверждая безгосударственный характер русского народа, К.Аксаков в то же время требует свободы «внутренней жизни»; отрекаясь от каких бы то ни было политических требований, он вместе с тем стремится утвердить (в форме исторического описания, приобретающего нормативный характер) невмешательство государства в жизнь «Земли».

¹⁶ См. Цимбаев 1986.

К.Аксаков убеждает правительство, что ему нечего опасаться «народа», поскольку тот безразличен к делам правления: «Россия никогда не обоготворяла правительства, никогда не верила в его совершенство и совершенства от него требовала... смотрела на него, как на дело второстепенное, считая первостепенным делом веру и спасение души — и поэтому революция чужда совершенно России и существующий законный порядок в ней крепок»¹⁷.

¹⁷ Цит. по: Цимбаев 1986: 156—157.

Тот же тезис он повторит в 1855 г., в записке «О внутреннем состоянии России»: «Люди, не верующие в совершенство правительства, не поклоняющиеся ему, знают, что лучшая форма из правительственных форм есть монархическая, революция есть для них ложь по началам христианства и по выводам рассудка»¹⁸.

¹⁸ Там же: 157.

«Государство», по К.Аксакову, тогда становится в России вредным, когда, отступая от своих начал, пытается подменить собой «Землю». С петровских реформ «правительство <...> внесло в русскую жизнь западное понятие о власти, стало изъяслять притязание решать все задачи жизни, вмешивалось в русский быт и, таким образом, стало, хотя отчасти, в положение правительства западного. Часть России, увлекшись Западом, ту же минуту преклонилась перед правительством, как пред кумиром — и ту же минуту начала революционные попытки»¹⁹. В статье 1857 г. «Опыт синонимов. Публика — народ» К.Аксаков пытается отчетливо развести данные понятия, понимая под «публикой» бывшую часть «народа», которая «отказалась от русской жизни, языка и одежды и составила публику, которая и всплыла над поверхностью. <...> Публика является над народом как будто его привилегированное выражение; в самом же деле публика есть искажение идеи народа»²⁰. Публика заслоняет собой народ, и она же противоборствует с правительством, будучи его порождением. В письме к брату Григорию (1849) К.Аксаков обращает свои надежды на правительство и одновременно противопоставляет свою позицию не только революционному, но и консервативному направлению мыслей:

¹⁹ Там же.

²⁰ Аксаков 2009: 237.

«Подражание введено самим правительством, то есть Петром, и от правительства мы вправе ожидать возвращения на русскую дорогу. Нам стоит только быть русскими, чтобы удалиться от западного зла... Напрасно думают иные, что консервативность западная хороша; консервативность может обратиться в революционность, как скоро консервативность эта — западная. Надо помнить, что будучи сторонами одной и той же жизни, они могут переходить одна в другую, ибо консервативность на Западе предполагает уже революционность и есть только ее противоположность; она вызвана врагом, против которого борется. Русская же консервативность не имеет врага, ибо в русском народе нет духа революции. Стоит нам только быть русскими — вот мы и консерваторы»²¹.

²¹ Цит. по: Цимбаев 1986: 162.

Однако быть вполне русскими можно лишь при наличии «нормальных отношений» между «Землей» и «Государством». «Из теории „негосударственности“», — отмечает Цимбаев, — К.С.Аксаков выводит идею о существовании неотъемлемых народных прав (свободы слова, мнения, печати, автономности внутренней жизни народа), которые он провозгласил правами неполитическими, не подлежащими контролю со стороны государства»²².

²² Там же: 163—164.

Всем приведенным выше суждениям не хватало конкретности, но по условиям места и времени этот недостаток являлся достоинством — для К.Аксакова речь шла о попытке убедить правительство обеспечить некоторое «пространство внутренней автономии», допустить существование внегосударственной жизни, дать «Земле» «полное право мнения и слова». Но то, что было уместным в конце 1840-х — 1850-е годы, представляло явно недостаточным в начале 1860-х: бинарные оппозиции «Земля — Государство», «народ — правительство», «народ — публика» оказывались слишком простыми, чтобы с их помощью можно было описать протекавшие процессы и тем более определить свою позицию по отношению к ним²³.

²³ См. Тесля 2011: 210.

Отвечая на вызовы времени, И.Аксаков приступил к пересмотру концепции брата. Результаты его усилий нашли отражение в цикле статей «О взаимном отношении народа, общества и государства», к публикации которых Аксаков подошел весьма основательно, справедливо придавая им программный характер. Дабы выступление не казалось случайным или произвольным²⁴, в феврале 1862 г. «День» начал печатать статьи профессора юридического факультета Московского университета Владимира Лешкова под заголовком «Что такое общество и что такое земство», сопроводив их редакционным примечанием:

²⁴ Цимбаев 1978: 178.

«В настоящее время так часто употребляются слова: „общество“, „земщина“, „земство“, и нередко в таком разнородном смысле, что строгое определение этих выражений мы считаем не только не лишним, но даже необходимым в нашей литературе»²⁵.

²⁵ День. 1862. № 19: 9.

Впрочем, содержание статей, по сути сводившееся к набору аморфных рассуждений и попыткам переформулировать полицейское право (которое Лешков преподавал в университете) преимущественно за счет

²⁶ См. *резкий, но во многом справедливый отзыв о Лешкове в воспоминаниях Чичерина* (Чичерин 2010: 129).

²⁷ Аксаков 1891: 32.

²⁸ Там же: 31.

²⁹ Там же: 33—34.

³⁰ Там же: 34.

³¹ Там же: 40.

³² Там же: 36.

³³ Там же: 39, 42.

терминологических замен²⁶, скорее разочаровало Аксакова, и во второй статье своего цикла он одновременно упоминает об этих публикациях и отмежевывается от них: «Г. Лешков первый сделал у нас опыт создать науку „общественного права“, до сих пор отвергаемую юристами, — но не об этом обществе и не об этом праве хотим мы говорить»²⁷.

Вопрос, на который отвечает Аксаков в своих статьях, формулируется им так: «Что такое общество, и какое его значение в России, между Землею и Государством?»²⁸. Разграничивая понятия, Аксаков выстраивает следующую систему.

1. Под *народом* «в тесном смысле и более строгом» понимается «*простой* народ, то народное множество, которое живет жизнью непосредственной. <...> Народ состоит из отдельных единиц, имеющих каждая свою личную разумную жизнь, деятельность и свободу; каждая из них, отдельно взятая, не есть народ, но все вместе составляют то цельное явление, которое называется народом и в котором исчезают все отдельные личности. Поэтому народ не есть агрегация или совокупность лиц с их совокупною деятельностью, а живой, цельный духовный организм, живущий и действующий самостоятельно и независимо от лиц, составляющих народное множество»²⁹.

Народное творчество (результатом которого являются соответствующие формы народной жизни) имеет бессознательный характер. «Народные единицы не *замечают* здесь участия своей личной мысли, участия однако несомненного; здесь нет *посредствующего* действия мысли между отдельною личностью в народе и народом. Как самоё народное творчество принадлежит в с е м у народу, а не отдельным лицам, так в с е м у же народу принадлежит пока и сознание этого творчества»³⁰. Иными словами, перед нами вполне типичная и уже хорошо знакомая тогдашней российской аудитории романтическая концепция народа и народного духа (творчества), из которой следует предсказуемый — через сделанный акцент на бессознательности — переход к «обществу».

2. *Общество* «есть народ на второй ступени своего развития, народ самосознающий»³¹, когда «личность, поглощаемая в *народе*, существующая и действующая в нем не сама по себе, а как часть, атом народного организма, получает вновь свое значение в *обществе*, но с тем, чтобы путем личного подвига и личного сознания утвердить свою связь с народом и воссоздать новую высшую, духовную цельность народного организма»³². Общество, настаивает Аксаков, тем не менее «не есть явление политическое <...> сила его есть сила нравственная, сила общественного мнения, и <...> орудие деятельности общества — есть *слово* <...>. Как скоро раздается общественное слово, как скоро оно является как *власть имеющее*, — мы познаем существование общества»³³. Отметим, что, хотя личность, по Аксакову, имеет значение не безусловное — она может быть оправдана через восстановление прежней народной цельности на новом уровне, то есть через приведение ее к самосознанию, сам этот

акцент на личности не типичен для славянофилов и количество оговорок и ограничений, особое подчеркивание не безусловной ценности личности скорее вызваны предосторожностью автора по отношению к представителям славянофильского лагеря. Так, в 1853 г., заочно беседуя с Кошелевым, предпочитавшим простые бинарные схемы и во многом сближавшимся в своей критике Запада с Михаилом Погодиным и Степаном Шевыревым, Аксаков писал: «Если Запад грешит развитием личности, то мы, кажется, грешим безличностью, т.е. уничтожением личности всюду, в семье, в общине и преимущественно в сословии духовном и в жизни церковной»³⁴.

³⁴ Аксаков 1892: XIII.

В рамках того же романтического видения Аксаков уточняет: «Общество ни в какой данный момент не может называться полным выражением народного самосознания. Оно есть *деятельность* народного самосознания, которое постоянно возрастая и усиливаясь, приближает народ к его конечной цели, к самосознанию»³⁵, то есть «народ» мыслится как субстанциальная основа (и общества, и государства), всякое выражение которой неполно и ограничено.

³⁵ Аксаков 1891: 42.

3. *Государство* возникает раньше общества, являясь как «внешнее определение, данное себе народом; деятельность его, т.е. государства, и сфера его деятельности — чисто внешние»³⁶. В согласии с либеральной доктриной Аксаков формулирует свое представление о надлежащем порядке вещей: «Государство и государственное начало должны быть отвлечены от жизни народа и общества на поверхность, и оставаться в тех скромных пределах, какие полагает им духовная и нравственная деятельность самого общества»³⁷. Однако при отсутствии или неготовности общества государству приходится брать на себя задачи, ему не принадлежащие, создавать «*подобие самого общества*, точно так же как и *подобие свободы, подобие независимости от правительства*, подобие вольной общественной деятельности <...>. Разумеется, все такие старания тщетны, потому что правительство в таких случаях пытается, в то же время, дать *направление* общественному развитию, создать общество в *известном* духе и на *известных* началах, согласно своим целям»³⁸. В отсутствие общества у народа исчезает возможность «*деятельного поступательного движения, деятельной, активной силы; он незащищен против государства и может противопоставить ему лишь силу пассивную, силу в охранении, в сбережении своих начал, существенных элементов своей народности*»³⁹.

³⁶ Там же: 35.

³⁷ Там же: 47.

³⁸ Там же: 50.

Делая упор на личной свободе, Аксаков оказывается близок к Бенжамену Констану, противопоставившему «новую» свободу «древней», то есть свободу в частной сфере свободе в сфере публичной⁴⁰, и, как и Чичерин, мыслит самодержавие в России необходимым для этих свобод⁴¹. Вместе с тем, в отличие от последнего, он постоянно подчеркивает, что право находит свою опору в общественном сознании, в про-

⁴⁰ Валицкий 2012: 171.

⁴¹ Там же: 156—157.

тивном случае оставаясь пустым звуком: «никакие законы не имеют прочности и живительного действия без помощи общественного сознания»⁴²; «никакие учреждения, как бы свободны они ни были, никакие представительства, никакие *политические сословия*, никакая аристократия и демократия — не могут заменить *общества* и свою деятельностью восполнить недостаток деятельности *общественной*; отсутствие общественной деятельности или бездействие общественной жизни, как жизни народного самосознания, — делает народ бессильным и беззащитным, а государство несостоятельным, — хотя бы и существовали политические сословия и даже представительные учреждения»⁴³. Так, в Англии, утверждает Аксаков, «с XIII века была и конституция, и парламент, и независимое *политическое* сословие (в которое некоторым нашим публицистам так хочется пожаловать Российское дворянство!), — была и революция 1649 года: однакож, начало Английской с в о б о д ы считается с революции 1688 года, с той революции, которая не пролила почти никакой крови, и которая была скорее о б щ е с т в е н н ы м движением, чем народною революциею в обыкновенном смысле слова»⁴⁴.

Именно в отсутствии или, по крайней мере, слабости общественной жизни видит Аксаков основную проблему современной ему России: «Нам недостает внутренней, общественной жизни, недостает глубоких убеждений, недостает самодеятельности, недостает силы, *силы общественной!* <...> Проснуться, ее, эту силу, вызвать, ей поработать, ее созидать — вот к чему мы должны стремиться, все, всем обществом, от мала до велика, — вот в чем наше спасение и охрана, вот единственное условие нашего развития и преуспевания...»⁴⁵, причем общественная среда мыслится им как бессловная: «Чем меньше сословий, чем меньше перегородок, разделяющих людей между собою, тем легче их соединение, тем возможно дружная деятельность единиц»⁴⁶.

NB! Стремление к независимости общества и мечта о возможности свободной от государственного вмешательства общественной инициативы были, как это свойственно Аксакову, столь страстными, что побудили его весьма резко отреагировать на статью с призывом к правительственному содействию в организации православных братств в северо-западных губерниях, отправленную в редакцию «Дня» основателем «западнорусской» исторической школы Михаилом Кояловичем. Письмо к Кояловичу (от 28 февраля 1862 г.) относится к периоду написания цикла статей о народе, государстве и обществе и настолько характерно, что мы считаем нужным привести из него обширное извлечение:

«<...>Вашу заметку о братствах решительно отказываюсь поместить. Рука не поднимается на такое дело. И без того лгано и налгано на Святой Руси довольно. Нет! мы хотим провести официальную ложь еще и туда, где до сих пор ее не было! Заводить *извне* братства, в наше время, при содействии Правительства, с помощью барынь, — братства — как средство, понимаемое политически, —

⁴² Аксаков 1891: 46.

⁴³ Там же: 51.

⁴⁴ Там же: 49.

⁴⁵ Там же: 30—31.

⁴⁶ Там же: 53. Напомним, что в самом начале 1862 г. Аксаков выступил с призывом к «самоликвидации дворянства как сословия», утверждая, что после отмены крепостного права дворянство утратило основания своей сословной замкнутости и должно войти в единое «земство» (Аксаков 1887: 214—220).

есть — извините — фальшивая мысль. Вы не вдохнете в них той внутренней силы духа, той искренности, той наивности убеждения, которые одни давали им жизнь и плодотворное значение. Для меня нет ничего противнее лжи официальной, вносимой в область веры, чувства, свободы. Ненавижу я Kaiserlich-Königlicher Liberalismus, Kaiserlich-Königliche Religion, Gefühle, и проч.; ненавижу штатных миссионеров, прикомандированных апостолов, и т.п. Братство есть живое явление, требующее того отношения к вере, которое невозможно в нашей цивилизованной публике; оно должно возникнуть свободно, органически, само собой. Должно возникнуть из ничего, на гроши медные, под влиянием проповеди искреннего миссионера. Вы можете частным образом убедить того или другого дать денег в пользу братств, но сохрани Бог, если Правительство или правительственное общество будет тут участвовать. Обращаться же к публике с просьбою денег на заведение братств, или на заведение дела, имеющего одушевить существующие останки, это все равно, что собирать денег на заведение Апостолов и миссионеров, которых ~~нет~~^[вставка над строкой] еще не имеется. Ну хорошо>. Деньги соберутся. Надо заводить братства. Командируется чиновник, снабженный указом Его Императорского Величества из Святейшего Синода. Устанавливаются какие-то жалкие подобию братств, подчиняются контролю местного Епархиального начальства, обязываются подавать отчеты и писать рапорты... Фу, какая мерзость! Неужели Вы еще верите в учреждение, т.е. что форма учреждения что-нибудь значит и может создать? Тогда отлично было бы жить на свете, чрезвычайно легко. Написал на бумаге учреждение, приставил начальство с контролем за тем, чтобы учреждение действовало... И учреждение будет мертвою буквою, лишенною духа животворящего. А животворящий дух не дается сверху.

Не увлекайтесь сочувствием барышень и проч. Просите деньги от Тютчевой (которую очень люблю, между прочим), но как от Анны Федоровны Тютчевой, но не как от Фрейлины Двора и проч. Пробуждайте дух Православия в народе, но не требуйте покровительства власти: оно способно все опакостить. — Бросьте эту мысль, Михаил Осипович, но поезжайте летом в Литву, пройдите ее пешком из конца в конец и горячею проповедью пробуждайте дух, заснувший в народе. Тогда возникнут братства, и тогда пожалуй — пусть обратятся они к нам за помощью. Но не к модным дамам, которые очень будут рады собрать Вам денег на братство посредством благотворительных лотерей, спектаклей, балов, кокетства, моды и суеты»⁴⁷.

⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 3.
Оп. 2. Ед. хр. 22.
Л. 18—19об.

В письме к Самарину от 22 марта 1862 г. Аксаков так отзывался о своих статьях: «Как неприятно и даже страшно, даже дерзко писать такие статьи как плод одиночной мысли, которой и созреть было некогда, писать без предварительного суда и проверки. Мне кажется, что эти

статьи восполняют некоторый пробел в славянофильском учении Константина о государстве и земле. Там не было места обществу, литературе, работе самосознания. Непосредственность народного бытия и деятельность сознания, безличность единиц, народ составляющих, и личная деятельность их в обществе — все это не было высказано, а потому сбивало с толку публику и читателей; потому что понятия эти и представления, как не разграниченные, постоянно смешивались. В представлении нашем о допетровской Руси нет и места обществу, да и вообще нет места всем этим вопросам»⁴⁸.

⁴⁸ Аксаков 2012: 235.

Последняя фраза, на наш взгляд, является ключевой для понимания цели Аксакова. Эта цель — связать славянофильскую социально-политическую доктрину в том виде, в каком она выразилась в статьях его покойного брата, с современной ситуацией, то есть реализовать ту задачу, которая была общей для всей его публицистической деятельности: доказать, что славянофильство — живое учение, и, исходя из него, оценивать и осмысливать все ключевые вопросы современности. В то же время Аксаков старался представить свои взгляды (разделяемые в данном случае Самариним) как дополнение, уточнение взглядов брата, в действительности подвергая их качественной трансформации и признавая это⁴⁹. Если в своих работах, написанных в 1848 г. и после, К.Аксаков противопоставлял «Землю» и «Государство», отстаивая тезис о «негосударственности» русского народа, его неполитичности, то, вводя третий член («Общество») в эту конструкцию, И.Аксаков тем самым стремится создать и «третью сферу» (между народом и государством), сферу совместного действия и мысли, автономную от государства и при этом, в отличие от «Земли» К.Аксакова, не тяготеющую к отождествлению с «частной жизнью».

⁴⁹ В письме от 10 марта 1862 г. Аксаков уведомлял графиню Антонину Блудову о выходе первой статьи цикла и сообщал: «Эта статья ведет за собою целый ряд статей, по моему мнению, довольно важных, развивающих целое новое учение об обществе; в какой степени они мне удались — это другой вопрос» (Аксаков 1896: 245—246).

13 мая 1862 г. Самарин, отзываясь на публикацию статей, писал Аксакову: «Они превосходны, и я должен тебе сказать, что, читая их, я удивился тому, что никто из нас до сих пор не догадался осветить эту сторону вопроса. Именно потому, что она оставалась до сих пор в тени, к коренному разномыслию между нашими и не нашими примешивались недоразумения, которые теперь отпадают»⁵⁰.

⁵⁰ Цит. по: Цимбаев 1986: 219.

Фактически Аксаков мог настаивать на «неполитичности» общества в своей интерпретации только за счет крайнего сужения понятия «политическое», низведения его до «дейтельной, политически организованной власти»⁵¹, что, в свою очередь, позволяло ему, формулируя тезис о становлении политического и гражданского общества, избегать требований политического характера. Концепция Аксакова предполагала «нормализацию» русской истории — как некий «третий» путь между западничеством и традиционным славянофильством, одинаково акцентировавшими петровский разрыв, расходясь лишь в оценке этого разрыва и его последствий. Вместо абсолютного противопоставления допетровской Руси и петровской России Аксаков мыслит «петербургский» период русской истории как диалектическое противоречие, логически необходимую стадию развития, тем самым сближаясь, в частно-

⁵¹ Аксаков 1891: 46.

сти, с «почвенниками», группировавшимися вокруг петербургского журнала «Время», издававшегося братьями Достоевскими. Показательно, что после публикации цикла статей об обществе критика «Дня» на страницах «Времени» смолкает⁵².

В практическом плане трансформация славянофильской доктрины, осуществленная Аксаковым, позволяла явственно выразить и сформулировать, избегая открытого политического конфликта, требования значительной части либеральной общественности. Умеренный либерализм, выступавший за предоставление широких прав местному самоуправлению и одновременно поддерживавший самодержавие, воспринимая его как силу, противостоящую угрозе аристократического конституционализма и при этом способную проводить масштабные реформы либерального содержания⁵³, получил в концепции Аксакова достаточно полное выражение, о чем свидетельствует, в частности, распространенность славянофильских настроений в земской среде вплоть до революции 1905 г.⁵⁴ Именно так статьи Аксакова и были восприняты высшими кругами правительства — отзыв о четвертой статье цикла попал в так называемое «царское обозрение» печати, а две последующие были отправлены Московским цензурным комитетом в Петербург, где легли на стол самого императора, и если пятая статья еще была пропущена с некоторой правкой, то шестая подверглась безусловному запрещению⁵⁵.

Вопрос о дальнейшем изменении учения Аксакова об обществе вызывает споры среди исследователей. Согласно Цимбаеву, «в 1865 г. Аксаков отказывается от всяких надежд на „общество“. <...> Разочарование в „обществе“ и превознесение охранительной силы народа означали отказ от теории, сформулированной в 1862 году»⁵⁶. Екатерина Фурсова оспаривает данное утверждение, ссылаясь на неоднократные обращения Аксакова к теории общества в 1880-е годы⁵⁷. И эта позиция, на наш взгляд, более обоснованна. «Разочарование» Аксакова в «обществе» было связано с тем, что того «общества», которое он считал готовым возникнуть, не оказалось, — вместо быстрого движения предстоял медленный процесс формирования общества, но общие контуры концепции были сохранены. Так, в 1881 г. Аксаков писал: «Нам необходима свобода умственной жизни, иначе мы не добудем самосознания и не достигнем полноты развития народного духа, — следовательно не исполним своего долга...»⁵⁸

Не претерпела кардинальных изменений и политическая цель. Когда весной 1881 г. Аксаков задумал издать сборник своих статей из газеты «Русь» (с прибавлением новой статьи «Царь и земля»), озаглавив его «Взгляд назад»⁵⁹, оказавшийся его цензором Леонтьев так суммировал взгляды автора:

«Самодержавный Царь и Земство — больше ничего, или почти ничего. Все посредствующее (т.е. вся или почти вся администрация) должно исчезнуть, „атрофироваться“, как выражается автор. <...> Управлять „по Божьему“ способны только два элемента — „мир“ и „Царь“. <...> Государству останутся только те отрасли управления, ко-

⁵² На выход первых номеров «Дня» «Время» откликнулось крайне резкой статьей Федора Достоевского (Достоевский 1991). В дальнейшем позиция «Времени» (и сменившей его «Эпохи») становится все более мягкой, под конец превращаясь чуть ли не в апологетическую (см. Грибунин, Тесля 2011).

⁵³ О многогранности и противоречивости русского либерализма см., в частности, Секиринский, Шелохаев 1995.

⁵⁴ См. Соловьев 2009; Шелохаев 2010.

⁵⁵ Бадалян 2011; Тесля 2012.

⁵⁶ Цимбаев 1978: 206—207.

⁵⁷ Фурсова 2006: 160—161. См. также Бадалян 2011: 103.

⁵⁸ Аксаков 1886: 495.

⁵⁹ Фетисенко 2012: 154.

торые не могут быть дробимы. Государственное хозяйство, внешняя оборона, сношения с чужими странами, государственное законодательство и т.д.»⁶⁰.

⁶⁰ Цит. по: Фети-сенко 2012: 178.

⁶¹ Имелось в виду, что функции полиции должны быть переданы земствам: за Министерством внутренних дел Аксаков считал нужным оставить лишь надзор и возможность опротестования действий местных (губернских, уездных и волостных) самоуправляющихся общин (одновременно настаивая на их бессловном характере).

⁶² Цит. по: Фети-сенко 2012: 179.

Разумеется, это оценка человека, к тому времени превратившегося в принципиального противника Аксакова — но от этого ставшего еще более внимательным и вдумчивым читателем. Соглашаясь, что Аксаков является противником конституции, Леонтьев отмечает: «Как же не счесть планом глубочайшего переустройства такой план реформ, при осуществлении которого самые существенные проявления власти — забота о сборе податей и ответственность за политическую безопасность⁶¹ — перейдут вполне в руки Земства? Такое „изменение“, пожалуй, еще радикальнее всякой непрочной и поверхностной, центральной конституции, не касающейся до корней народной жизни»⁶².

Таким образом, заметно модифицировав и конкретизировав учение своего брата, Аксаков создал довольно отчетливо выраженную концепцию «неполитического либерализма», где постоянное указание на «неполитичность» могло повторяться и утверждаться лишь за счет предельно суженного толкования «политического», тем самым высвобождая пространство для складывания *политического общества* как пространства оформленного общественного мнения.

Библиография

[Аксаков И.С.] 1886. *Сочинения И.С.Аксакова. Т. IV: Общие вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860—1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», и три статьи вышедшие отдельно.* — М.

[Аксаков И.С.] 1887. *Сочинения И.С.Аксакова. Т. V: Государственный и земский вопрос. Статьи о некоторых исторических событиях. 1860—1886. Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси».* — М.

[Аксаков И.С.] 1891. *Сочинения И.С.Аксакова. Т. II: Славянофильство и западничество. 1860—1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси».* 2-е изд. — СПб.

[Аксаков И.С.] 1892. *Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3: Исследование украинских ярмарок. Ополчение. Путешествия за границу. Письма 1851—1860 годов.* — М.

[Аксаков И.С.] 1896. *Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2: Письма к разным лицам. Т. 4: Письма к М.Ф.Раевскому, к А.Ф.Тютчевой, к графине А.Д.Блудовой, к Н.И.Костомарову, к Н.П.Гилярову-Платонову. 1858—1886 гг.* — СПб.

Аксаков Иван Сергеевич. *Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 4. Ч. I: 1861—1862.* 2012. — Уфа.

Аксаков К.С. 2009. *Государство и народ.* — М.

Бадалян Д.А. 2011. Цикл статей И.С.Аксакова об обществе: история цензуры и неопубликованные страницы // *Третьи Аксаковские чтения: Материалы межвузовской научной конференции, посвящен-*

ной 220-летию со дня рождения С.Т.Аксакова (Ульяновск, 21–24 сентября 2011 г.). — Ульяновск.

Валицкий А. 2012. *Философия права русского либерализма*. — М.

Грибунин В.В., Тесля А.А. 2011. Философские взгляды Н.Н.Страхова 1860-х — 70-х гг. и славянофильство // *Вестник ТОГУ*. № 1.

Достоевский Ф.М. 1991. Ряд статей о русской литературе. V. Последние литературные явления. Газета «День» // Достоевский Ф.М. *Собрание сочинений: В 15 т.* Т. 11. — Л.

Леонтьев К.Н. 2006. *Полное собрание сочинений и писем: В 12 т.* Т. 7. Кн. 2: *Публицистика 1880 года. Ранние научные работы*. — СПб.

Милюков П.Н. 2002. *Очерки истории исторической науки*. — М.

Розанов В.В. 1990. *Несовместимые контрасты жития*. — М.

Розанов В.В. 2006. *Собрание сочинений: В 30 т.* Т. 22: *Признаки времени (Статьи и очерки 1912 г.)*. — М.

Секиринский С.С., Шелохаев В.В. 1995. *Либерализм в России: Очерки истории (Середина XIX — начало XX в.)*. — М.

Соловьев К.А. 2009. *Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности: 1899—1905*. — М.

Тесля А.А. 2011. Этапы истории славянофильства в контексте исследований национализма // *Вестник ТОГУ*. № 3.

Тесля А.А. 2012. Запрещенная 6-я статья И.С.Аксакова из цикла «О взаимном отношении народа, общества и государства» // *Социологическое обозрение*. Т. 11. № 2.

Трубенкой С.Н. 1995. Разочарованный славянофил // *К.Н.Леонтьев: Pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей: 1891—1917 гг.* Кн. 1. — СПб.

Фетисенко О.Л. 2012. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: *Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века*. — СПб.

Фудель И. 1995. Культурный идеал К.Н.Леонтьева // *К.Н.Леонтьев: Pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей: 1891—1917 гг.* Кн. 1. — СПб.

Фурсова Е.Б. 2006. *И.С.Аксаков: Апология народности и самодержавия*. — М.

Цимбаев Н.И. 1978. *И.С.Аксаков в общественной жизни пореформенной России*. — М.

Цимбаев Н.И. 1986. *Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века*. — М.

Чичерин Б.Н. 2010. *Воспоминания: В 2 т.* Т. 2. — М.

Шелохаев С.В. 2010. *Д.Н.Шипов: Личность и общественно-политическая деятельность*. — М.